

УДК 070(091), 821.161.1

EDN [DOFADX](#)

DOI 10.17150/2308-6203.2023.12(2).232-247

Научная статья

Литературные конфликты в Российской империи и их разрешение

Сони́на Е.С.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация, e.sonina@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются способы разрешения литературно-журналистских конфликтов в Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Тема русских литературных дуэлей представляется хорошо изученной, но литературные этические суды почти не рассматривались исследователями. В ходе сплошного просмотра дореволюционной периодики и писательских мемуаров выявлено около 60 обращений в третейский суд и суд чести. Дополнительными источниками информации стали карикатуры и репортажные рисунки, демонстрирующие взгляды современников на третейские суды и суды чести. Выявлены различные профессиональные подходы писателей и журналистов к подобным институтам, изучена история становления литературных судов. В статье проведена тематическая классификация рассмотренных дел (защита чести и достоинства, обвинения в плагиате, имущественные споры, конфликты между издателями и сотрудниками и пр.). Постановления судов, основанные на корпоративных этических нормах, не только восстанавливали справедливость, но и расширяли пределы гласности в случаях публикации вынесенных решений. Тем не менее нельзя утверждать, что писательские суды в Российской империи стали такими же принятыми общественным мнением факторами, как, например, офицерские суды чести или дворянские дуэли. Над третейскими судами и судами чести литераторов по-прежнему смеялись сатирики, а писатели продолжали обращаться не только в этические суды, но и коронные, защищая свое имя от наветов. Традиции существования Судов чести продолжились как в советское, так и в постсоветское время. При современном Союзе журналистов России существует Третейский суд, хотя и про его деятельность нельзя сказать, что она широко известна.

Ключевые слова. Литературная дуэль, литературный третейский суд, литературный суд чести, Российская империя, русская дореволюционная журналистика, публичный интеллектуальный конфликт.

Финансирование. Материалы обсуждены на XXVI международной научно-практической конференции «Журналистика XXI века» (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2022 г.). Публикация статьи профинансирована СПбГУ, приказ № 4657/1 от 26.04.2022.

Информация о статье. Дата поступления 06 февраля 2023 г.; дата поступления после доработки 13 марта 2023 г.; дата принятия к печати 10 мая 2023 г.; дата онлайн-размещения 23 июня 2023 г.

Original article

Literary Conflicts and Their Resolution in the Russian Empire

Elena S. Sonina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
e.sonina@spbu.ru

Abstract. This paper examines public intellectual clashes in the fields of literature and journalism in the Russian Empire. We focus on the ways such clashes were litigated and resolved in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century. Literary duels appear to be well-documented, but literary courts of ethics don't seem to have garnered as much attention from scholars. An in-depth investigation into pre-1917 periodicals yielded around sixty appeals to arbitration courts or courts of honor. We also used caricatures and magazine cartoons as supporting sources, showcasing contemporaries' attitudes to the above-mentioned court systems. Writers and journalists are shown to have adopted varying professional approaches to such institutions. The history of literary courts and their institutionalization is highlighted. We classify the examined lawsuits by subject (libel cases, accusations of plagiarism, property disputes, conflicts between publishers and their employees etc.). Court decisions rooted in corporate ethical norms not only furthered the cause of justice, but also broadened the Overton window for socially accepted speech (if said decisions were published). Nevertheless, one cannot say writers' courts became as culturally accepted in the Russian Empire as military courts of honor or aristocratic duels. Satirists still mocked writers' arbitration and honor courts, while the writers themselves kept appealing to royal state courts in addition to their own courts of ethics to protect their good name. Courts of honor persisted as a phenomenon in Soviet and even post-Soviet times. Modern-day Russian Union of Journalists harbors an arbitration court, even though its proceedings have not been widely publicized.

Keywords. Literary duel, literary arbitration court, court of honor, Russian Empire, Journalism in the Russian Empire, public intellectual conflict.

Funding. The materials were discussed at the XXVI International Scientific and Practical Conference "Journalism of the XXI century" (St. Petersburg State University, St. Petersburg, November 18–19, 2022). The publication of the article was funded by St Petersburg University, Order No. 4657/1 dated April 26, 2022.

Article info. Received February 06, 2023; revised March 13, 2023; accepted May 10, 2023; available online June 23, 2023.

Введение

Любые конфликты связаны с защитой чести, причем роль здесь играет не только отношение человека к самому себе, но и отношение к человеку общества. Как считает И.А. Краснова, «концепт "честь" связан с социумом и с внешними по

отношению к человеку предписаниями. Эти предписания могут быть оформлены в виде совокупности правил, кодекса, варьирующегося в зависимости от социума» [1, р. 67].

Внутрикорпоративные решения конфликтных ситуаций в Российской империи разрешались чаще всего в

ходе дворянских дуэлей и офицерских судов чести. И это неслучайно: «в культуре XVIII–XIX вв. честь считалась принадлежностью лишь некоторых сословий, прежде всего, дворян и военных. Следы закреплённости понятия чести за определёнными сферами сказываются и в современном языке. Сочетания типа писательская честь, честь пианиста безусловно воспринимаются как менее привычные и более образные по сравнению с дворянской, воинской и офицерской честью» [2, с. 38].

В писательско-журналистском мире при конфликтных ситуациях, прежде всего, была широко распространена полемика, причем практика эта была международной [3]. К услугам писателей и журналистов, кроме того, были широкие возможности вербальной и визуальной мести в виде эпиграмм, карикатур и пр. Но корпоративная этика позволяла обращаться и к внутренним приемам, допустимым исключительно для равных противников. Ю.М. Лотман утверждал: «возникновение обычая дуэли, полковых судов чести в дворянской среде, студенческого общественного мнения (отказ подавать руку), писательских судов, врачебных судов в разночинной среде, стремление внутри “своей” среды руководствоваться этими нормами и не прибегать к услугам суда, закона, полиции, государства — свидетельства различных типов стремления применять внутри “своего” коллектива нормы стыда, а не страха» [4, с. 436]. О дихотомии стыда и чести написано немало работ, в том числе есть исследования, касающиеся этих понятий в литературе, например, недавняя статья С. Такле о кодексах чести в фэнтези [5], но об-

ращений к писательским способам разрешений конфликтов несоизмеримо меньше.

Литературные дуэли

Невербальные способы разрешения конфликтов в литературной среде основывались на преобладающем сначала дворянском воспитании писателей. Но, если про дуэли А.С. Пушкина или М.Ю. Лермонтова известно почти все, то непроницаемой тайной для неспециалистов оборачиваются, например, вызовы к барьеру редакцией «Искры» Алексея Писемского (1862) или Мариэттой Шагинян Владислава Ходасевича (1907). Александр Кобринский утверждает, что «журналистские дуэли уже во второй половине XIX века стали весьма часты. Они были более распространены, чем литературные: этому способствовал публичный характер любого высказывания в прессе» [6, с. 19]. А Ирина Рейфман, приводя подробности состоявшихся и несостоявшихся поединков, замечает: «еще одним новшеством начала XX века стало использование дуэли в литературной среде для утверждения своего статуса как русского писателя» [7, с. 92].

В начале XX в., как замечали современники, были «весьма ясны следы воскресающего бретерства», поэтому ответ на вопрос «драться ли братьям-писателям на дуэли?» был не таким уж и однозначным¹. Карикатуристы тоже обыгрывали темы писательских дуэлей. Так и произошло с диптихом, посвященным столкновению М.А. Волошина и Н.С. Гумилева, где оружие поэтов

¹ Писатели и дуэль // Одесские новости. 1910. № 8087. 10 апреля. С. 3.

изображено в виде декламации своих произведений².

Журналистские поединки порой случались из-за редакционных разногласий. Так, полемика между «Русскими ведомостями» и «Московскими ведомостями» 1864 г. закончилась стрельбой в Петровском парке; при этом гласный Московской общей думы С.Н. Гончаров и редактор катковской газеты М.П. Леонтьев сочли себя удовлетворенными [8]. Публицист «Новостей» Г.К. Градовский вызвал Н.С. Лялина из «Нового времени»; дуэль не состоялась [9]. Подобные ситуации (картель и отказ от дуэли) в журналистской практике встречались довольно часто, что было совершенно непредставимо в дворянском кругу. Возможно, причиной тому были разные социальные представления о допустимом: дворянин во втором колене, издатель «Нового времени» А.С. Суворин так объяснил отказ от предложения стреляться: «Пусть на полемику отвечают полемикою и ругают нас, сколько душе угодно! — ответил А.С. на вызов того же Михневича: — но дуэль не писательское дело: она окончательно стеснила бы свободу мнений и суждений» [10]. Тема литературных и околотелитурных дуэлей довольно хорошо изучена [6–12], но так нельзя сказать про литературные суды. Безусловно, есть большой пласт исследовательской литературы, посвященной юридическому преследованию писателей и/или их произведений; этими вопросами занимались как русские, так и зарубежные ученые [13–16]. Но в данной статье речь идет не про

юридические ограничения свободы слова, не про цензурные механизмы, а про этические способы внутрикорпоративных разрешений конфликтных ситуаций.

Литературные третейские суды

Помимо физических способов разрешить конфликт и/или отомстить обидчику, в XIX в. стали появляться суды чести и третейские суды. Суд чести как орган постоянный отличается от суда третейского, состоящего из собранных на один раз судей и поэтому не имеющих опыта подобных тяжб. Суд чести и третейский суд отличаются и от суда коронного (общего), так как все постановления первых судов носили не юридический, а нравственный, этический характер. Суть подобных рассмотрений сводится к тому, что «принципы организации этого Суда просты до чрезвычайности: одна сторона предлагает его, другая принимает, либо отказывается. Никаких принуждений тут не полагается» [17]. Суды чести и третейские суды принципиально отличались от ритуального характера литературных судов как игровых постановок судилищ над литературным произведением и/или его автором; именно второй случай рассматривает, например, Д.В. Петросян [18]. Трактовка литературного суда как писательского осуждения редакторов и/или переводчиков встречается и в сатирической графике разных эпох [19], но я подобные примеры рассматривать не буду.

Суды чести, помимо офицерских, на рубеже XIX–XX вв. были созданы в Союзе Драматических и музыкальных писателей, в Министерстве иностранных дел, в Петербургском обществе

² Дуэль литераторов, или Чего нельзя выдержать // Раннее утро. 1909. № 274. 29 ноября. С. 4.

русских врачей, во Всероссийском союзе сценических деятелей; существовали многочисленные студенческие суды чести и пр. Юристы рассматривали понятия чести, утверждая, что «суд чести возможен везде, где возможна дуэль» [20, с. 398].

В российских архивах частично сохранились дела по литературным судам, но нигде эти дела не собраны в отдельные тематические блоки. Например, в фонде публициста К.К. Арсеньева (ИРЛИ /ПД/) хранятся протоколы суда чести (1898), в фонде В.Г. Короленко (РГБ) его письма по поводу состоявшегося против него заседания суда чести (1900), в фонде писателя И.А. Данилина (РГАЛИ) «инструкция, определяющая порядок действия суда чести при Обществе деятелей периодической печати и литературы» (1908) и пр. Исследователями частично предпринимаются публикации архивных документов, но несоизмеримо меньше обращается внимание на материалы периодической печати.

Решать проблемы с помощью третейских судов служители Парнаса начали со второй половины XIX в.: первое такое дело было связано с обвинениями в плагиате, выдвинутыми И.А. Гончаровым против И.С. Тургенева (1860). Жалобу Гончарова сатирически описал Д.Д. Минаев: «Издавал он роман недавно, / Где сюжет и план рассказа / У меня украл бесславно...»³. На это же намекает и карикатура Н.А. Степанова, где литератор сетует, что его «разорили, ограбили» [21]. Сатирические отклики только подтверждают широкую известность писательского судилища.

³ Обличительный поэт. Парнасский приговор // Искра. 1860. № 19. 20 мая. С. 198.

Третейские суды проходили и позже, хотя информация про них сохранилась довольно отрывочная. Известно, что в 1891 г. третейский суд разбирал конфликт между издательницей «Северного вестника» Л.Я. Гуревич и пайщиками журнала [22, с. 9–10]. В 1899 г. старший сын А.С. Суворина Алексей обратился в третейский суд, подозревая связи журналиста «Нового времени» С.Н. Сыромятникова (Сигмы) с тайной полицией [23, с. 341]. Имущественные споры и этические разногласия в руководстве издательства «Шиповник» привели к третейскому суду между З.И. Гржебиным с одной стороны и С.Ю. Копельманом и его сестрой Е.Ю. Антик с другой (1914) [24, с. 75]. В 1916 г. третейский суд между Ф.К. Сологубом и С.В. Познером не принял никакого решения [25, с. 344].

Иногда финансовые причины вызвали обращение в литературные суды, но разбирательства откладывались или не происходили. Так произошло с Л.Н. Андреевым, который после отказа «Русского слова» из-за политических аллюзий опубликовать его пьесу «Прекрасные сабинянки» обратился к третейскому суду (1912). Газета И.Д. Сытина нарушила заключенное с писателем соглашение об обязательном напечатании всех представленных им беллетристических произведений, но суд не состоялся [26, с. 186].

Для многих литераторов третейские суды были важнее, чем суды чести. Вот как этот выбор объяснял А.С. Суворин в разговоре со С.И. Смирновой-Сазоновой: «Он не может слышать о Суде чести. Говорит, что это новое начальство по делам печати, что оно будет таскать к суду неприятных ему людей. /.../ И

это не третейский суд, где стороны сами выбирают себе судей. Нет, это заранее поставленные семь человек, может быть, ваши литературные враги, которые будут решать вашу судьбу» [27]. «Суды совести» были весьма значимы: «не может, конечно, третейский суд очистить всю затхлую атмосферу современной литературы, но он может быть первой серьезной попыткой дать хороший отпор и заслуженный урок господам, без всякой церемонии превращающим литературу в базарную площадь» [28].

Литературные суды чести

Еще до учреждения судов чести, которые появились позже третейских, были попытки институализации разрешений литературных споров. Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым принимал на себя «нравственное посредничество между авторами и редакциями», не считая себя уполномоченным «на ходатайство пред правительством о дополнении и изменении законов, относящихся к литературной собственности, литературному труду и печати»⁴. Сразу видны акценты, которые будут расставлены и при позднейшей работе судов чести: профессиональные литературные организации помогали разрешать споры этического плана, не замахиваясь на юридические проблемы писателей или журналистов.

В конце 1878 г. Г.К. Градовским и П.А. Гайдебуровым был предложен «Проект соглашения по вопросу о

⁴ XXV лет. 1859–1884 : Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Санкт-Петербург : типография «Нового времени», 1884. С. 180.

пределах литературной полемики», вызванный грубостью малой прессы и участвовавшими литературными дуэлями. Резко критикуя проект, где предлагалось выбрать совет литературных посредников, критик и публицист В.П. Буренин вспоминал, что идею этического ограничения литературной полемики выдвинул П.Д. Боборыкин «вслед за появлением резких журнальных рецензий на один из его тогдашних плохих романов» [29]. Среди противников «суда печатной чести» Буренин называл исторического беллетриста Д.Л. Мордовцева, этнографа С.В. Максимова, юриста Н.С. Таганцева. Буренин утверждал, что подобная идея «возникла из самых жалких и мелких побуждений», несла в себе «поползновение стеснить независимость литературы посредством канцелярских каверз, затеваемых в ее собственных недрах» [29]. Похожее отношение к «литературным будочникам», как характеризовал Буренин участников суда чести, разделял и А.П. Чехов: «суд чести у литераторов, раз они не составляют такой обособленной корпорации, как, например, офицеры, присяжные поверенные, — это бессмыслица, нелепость; в азиатской стране, где нет свободы печати и свободы совести, где правительство и 9/10 общества смотрят на журналиста, как на врага, где живется так тесно и так скверно и мало надежды на лучшие времена, такие забавы, как обливание помями друг друга, суд чести и т.п., ставят пишущих в смешное и жалкое положение зверьков, которые, попав в клетку, откусывают друг другу хвосты» [30, с. 158].

У сторонников судов чести были свои аргументы. Как вспоминал П.Д. Боборыкин, «редакторы очень

многих петербургских журналов и газет, числом до двадцати, в продолжение прошлой зимы пришли к соглашению по этому вопросу и на своих обедах назначили даже комиссию, которая выработала проект образования особого суда чести в случаях оскорблений, наносимых писателям в печатной полемике» [31]. Идея 1870-х гг. воплотилась в конце века: в 1897 г. был создан Союз взаимопомощи русских писателей, при нем и начал действовать первый в России литературный суд чести. В первый состав были введены К.К. Арсеньев, В.Г. Короленко, В.А. Манасеин, Г.Н. Потанин, В.С. Соловьев, В.Д. Спасович; выбранный А.Н. Бекетов сразу вышел из числа судей. По Уставу, суд чести должен был разбирать дела «как между членами Союза, так и в случаях, касающихся профессиональной деятельности членов Союза, по заявлениям частных лиц»⁵.

С созданием суда чести появились сатирические отклики на него, например, В.А. Шуф сложил легенду в стихах: «На соборе на союзном / Журналисты заседали, / Уличив Ивана Гуся, Чести суд над ним свершали» [32]. Были и художественные реакции. Например, в карикатуре 1903 г. между драчунами (предположительно, А.С. Сувориным и О.К. Нотовичем) лежит огромная кость с надписью «Суд чести»; при этом Суворин (?) попирает кость ногой. Рисунок сопровождался цитатой из басни И.А. Крылова «Собачья дружба» «А только кинь им кость, так что твои собаки!» [33].

⁵ О суде чести // Устав Союза взаимопомощи русских писателей при русском литературном обществе. Санкт-Петербург : типография А.М. Менделевича, 1897. С. 10–11.

На Первом Всероссийском съезде печати (1908) был учрежден литературный суд чести, созданный по образцу первого суда. На Втором Всероссийском съезде писателей (1910) были разработаны основные положения литературного суда чести. Приговор суда носил «характер мотивированных суждений, оценивающих установленные судом факты с точки зрения этических требований, лучших литературных традиций и интересов общественного служения печати»⁶.

К литературному суду чести и изредка к третейскому суду в конце XIX — начале XX вв. постоянно обращались как писатели, так и журналисты; главной же задачей подобных заседаний стала выработка писательского морального кодекса [34]. Суд чести состоял из семи членов, избираемых на ежегодном собрании Общества взаимопомощи литераторов и ученых; постановления суда принимались большинством голосов. Суд разбирал дела членов Общества или этические конфликты между членом Общества и не состоящим в Обществе человеком в случае, если «посторонние лица выразят согласие подчиниться решению этого Суда» [34, с. 5]. Среди возможных форм приговора были решения о прекращении дела, об окончании дела миром, о постановлении на вид виновному или исключение из членов Общества.

Из разрозненных и малоизученных сведений о делах, рассматриваемых в литературных судах, вычленим некоторые тенденции.

⁶ Суд чести при Всероссийских съездах писателей. Основные положения устройства и процедуры // Вестник второго Всероссийского съезда писателей. 1910. № 1. С. 2.

Используя часть выявленных дел, составим таблицу частотности обращений в те или иные суды (см. табл.). Хорошо заметно усиленное обращение к судам чести (по сравнению с третейскими) и преобладание конфликтов на политической основе.

Тематика судебных дел

Выявлено относительно много примеров, когда в литературном суде авторы отстаивали свою репутацию, подпорченную подозрениями в сотрудничестве с тайной полицией. Так, в Петербургском императорском университете историк и социолог Н.И. Кареев был обвинен историком и публицистом А.С. Тра-

чевским в доносе (1891), при этом Трачевский использовал связи с газетой «Новости», чтобы усилить циркуляцию слухов [35, с. 199]. Публицист и юрист М.А. Рейснер судился с редакцией журнала «Русское богатство», поддержавшего неопределенные слухи о провокаторстве ученого (1913) [36]. Суды чести в данных случаях уходили от привычных неопределенных постановлений и категорично настаивали на невинности (или виновности, что было реже) заподозренных лиц. Хотя бывали и промахи — так, в начале 1903 г. эсеровский суд чести вместе с представителями «Русского богатства» оправдал

Частотность обращения в суды Frequency of Appeals to the Courts

Вид суда / тематика суда / год суда / Type of court / topic of court / year of court	Плагиат, клевета / Plagiarism, slander	Связь с тайной полицией / Connection with the secret police	Имущественные споры / Property disputes	Политические споры / Political disputes	Споры по национальным вопросам / Disputes over national issues	Конфликт внутри редакций / Conflict within editions	Конфликт между изданиями / Conflict between publications	Межличностные конфликты / Interpersonal conflicts
Третейский / Arbitration	1860	1899	1906 1907 1912 1914	1892		1891		1915 1916
Чести / Honor	1881 1881 1899 1900	1891 1903 1910 1913	1896 1897 1912	1897 1899 1901 1913 1916	1900 1900	1898 1900	1910	1898 1900 1909 1911

Е.Ф. Азефа, заподозренного студентом Н.И. Крестьяниновым в провокаторстве [37, с. 71].

Немало было имущественных или управленческих споров. А.Н. Кремлев не соглашался быть номинальным редактором «Руси», к чему его вынуждал В.П. Гайдебуров (1896). «Суд чести, по обыкновению, кончился туманным постановлением», — иронизировал Н.А. Энгельгардт, с кем на следующий год Гайдебуров затеял новый литературный суд из-за гонораров и перехода автора в «Новое время» [38].

Литературные суды возникали между журналистами и издателями. Например, когда О.Н. Попова без ведома сотрудников продала журнал «Новое слово», тем самым изменив его политическое направление и лишив авторов заработка (1897). В защиту издательницы выпускались книги, в заголовке которых уже ясно читались коннотации [39; 40]. Суд чести счел Попову «нравственно неправой»; «но заслуживающей снисхождения» [41]. Руководство же «Самарской газеты» суд чести при поддержке М. Горького оправдал, считая, что факты, опубликованные в коллективной жалобе бывших сотрудников против издателя С.И. Костерина и редактора А.А. Дробыш-Дробышевского, сильно преувеличены (1898) [42, с. 146].

Литературные суды бывали и между изданиями. Например, газета «Речь» в лице К.И. Чуковского обвинила журнал «Современный мир» в невыполнении взятых на себя перед подпиской обязательств (1910): «событие это, само по себе, не имеет, быть может, широкого общественного значения, но, тем не менее, в нем много элементов, глубоко за-

трагивающих литературно-издательскую среду» [43]. Часть литераторов, среди которых были Л.Н. Андреев, И.А. Бунин, увидели в этом споре сведение счетов Чуковского с журналом. А.И. Куприн осудил поступок Чуковского, «бросившего грязью, из-за угла, в один из самых чистых и добросовестных журналов»⁷. Этому же случаю посвящен и репортажный рисунок, где видно, как проходили заседания: за большим столом рядом сидели общественные судьи, участники процесса и стенографистка⁸.

Периодически возникали разбирательства, связанные с обвинениями в плагиате или клевете. Именно такое дело связано с именем переводчицы В.Н. Мак-Гахан, обиженной статьей в «Историческом вестнике», где ее творчество приравнивалось к плагиату (1899). Суд чести «единогласно постановил признать обвинение г-жи Мак-Гахан в плагиате, взведенное на нее в статье “Заокеанская Русь”, лишенным всякого основания» [44]. Драматург и режиссер Е.П. Карпов обвинил писателя Д.Л. Мордовцева в клеветническом письме, опубликованном в газете «Новости» (1900). Суд решил, что публикация Мордовцева искажает факты, но «неточности эти объясняются возбужденным состоянием писавшего и сделаны без всякого умысла оклеветать обвинителя»⁹. С именем литературного критика

⁷ А.И. Куприн по поводу инцидента между «Современным миром» и «Речью» // Новая Русь. 1910. № 85. С. 4.

⁸ Заседание третейского суда по поводу конфликта между журналом «Современный мир» и газетой «Речь» в Петербурге // Одесские новости. 1910. № 8098. 24 апреля. С. 3.

⁹ В Союзе взаимопомощи русских писателей // Новое время. 1900. № 8924. 31 декабря. С. 4.

В.П. Буренина связано не только несколько дел о клевете (иски В.А. Кашеваровой-Рудневой, М.М. Стасюлевича и др.), но и общественная репутация публициста, «погубившего» С.Я. Надсона [45].

Особенно заметными были литературные суды, связанные с разными политическими, национальными и пр. представлениями. Издатель «Северного курьера» князь В.В. Барятинский вызвал в суд чести издателя-арендатора «Санкт-Петербургских ведомостей» князя Э.Э. Ухтомского за публикацию антисемитской статьи (1900). Защищая Ухтомского, А.В. Амфитеатров писал: «если измена принципам, которым журналист деятельно служил много лет, будет безапелляционно определяться по визгливому доносу первого встречного, вздумавшего привязаться к случайной статье в органе журналиста, — стоит ли тогда и журналистом-то быть?!» [46].

Публицист М.Н. Мазаев оспаривал перевод на другое журналистское амплуа (1900). Кстати, он сам позже выступал против учреждения нового Суда чести, но ориентировался не на собственный опыт, а на теоретические выкладки: «против суда чести высказался нововременский М.Н. Мазаев, который исходил из принципа, что нельзя судить одним судом Л.Н. Толстого и составителя календаря»¹⁰.

«Маленькие письма» издателя «Нового времени» Суворина, осуждавшего участников студенческих волнений, вызвали не только возмущенные публичные письма и демонстративные отказы получать га-

зету, но и ажиотаж вокруг заседаний суда чести (1899). Чехов протестовал против подобного судебного разбирательства, так как видел в этом не литературную дискуссию, а ограничения свободы слова. Суворин распространял свой ответ суду чести заранее: «я сорок лет пишу и 23 года издаю газету и доселе еще не знаю точно, в особенности при системе циркуляров, изъемлющих временно те или иные явления и вопросы из обсуждения путем печати, какие вопросы действительно “подлежат свободному обсуждению”»¹¹. Ожидая суда над собой, Суворин не сдавался: «Свобода печати развивается известным риском писателя, возбужденной им полемикой, а вовсе не молчанием. /.../ По-моему, молчание вредно, молчание все прикрывает, отвлекает от жгучих вопросов и отдает общество на жертву пустякам и равнодушию»¹². Литературный суд вынес Суворину порицание за использованные приемы, но отказался считать его «Маленькие письма» бесчестными. Короленко вспоминал, что либеральное сообщество было недовольно таким решением: «мы считали неуместным и опасным становиться судьями всего, что носит характер “мнений” и “направления”. С этим нужно бороться не приговорами. А от нас именно этого и ждали» [47]. Суворин записал в дневнике: «Сегодня передали приговор суда чести. Я успокоился. Признали неправильными и крайне нежелательными некоторые приемы. Христос с ними. В этом кто из пишущих не виноват?» [23, с. 337].

¹¹ Материалы, касающиеся суда чести над А.С. Сувориным за его статьи о волнениях молодежи // ИРЛИ (ПД). Ф. 268. Архив Сувориных А.С., А.А., М.А. Оп. 1. № 124. Л. 19.

¹² Там же. Л. 20.

¹⁰ П.З. К предстоящему Всероссийскому съезду представителей печати // Новая Русь. 1910. 20 января. № 19. С. 3.

Некоторые обращения к литературным судам имеют странную подоплеку. Так, юрист С.Ф. Годлевский обратился к редакциям нескольких газет и суду чести, протестуя против критики «Русского богатства» его книги (1900). Рецензия принадлежала перу Короленко, который был очень недоволен вынесенным решением о примирении сторон: «кажется мне, что мы “вступили в/о/ взаимное (?) соглашение” с человеком, печатно обозвавшим нас инсинуаторами, клеветниками и доносчиками» [48, с. 155].

Иногда нарушение устоявшихся социальных норм использовалось против не только нарушителя этих норм, но и против редакций, где этот человек сотрудничал. Именно так произошло с поэтом и критиком Л.Л. Кобылинском (Эллисом), когда тот по рассеянности в библиотеке Румянцевского музея вырезал несколько страниц не из своих, принесенных с собой, книг, а из музейных подшивок (1909). Суд чести признал, что этот факт не является «актом сознательно злонамеренным, а тем менее актом кражи, как об этом сообщалось во многих органах периодической печати, /но/ свидетельствует, однако, о крайне небрежном отношении Л.Л. Кобылинского (Эллиса) к имуществу, составляющему общественное достояние» [49].

Порой суды задумывались, но не проходили, — например, вместо суда чести против Куприна, избившего нескольких литераторов, писателю отправили коллективное письмо о недостойном поведении (1911).

Заключение

Третейские суды и суды чести не выполняли обвинительных функций; их задачами являлись либо

примирение противников, либо вынесение порицания, не более того. Вероятно, часть обращений в суды была связана с невозможностью регулирования в правовом поле этических проблем. Потребность в литературных судах была вызвана и тем, что «созданное в первой половине XIX столетия при относительной неразвитости авторских правоотношений, к концу века, когда культурная жизнь страны стала сложнее и многообразнее, когда появились новые, прежде неизвестные технические средства эксплуатации литературных и художественных произведений, авторское законодательство Российской империи представлялось безнадежно устарелым» [50, с. 97].

Литературные суды позволяли русскому писателю, публицисту, корреспонденту надеяться, что в профессиональной среде он может получить относительно объективное рассмотрение конфликтной ситуации. Литературные суды могли остановить или хотя бы признать вслух совершающийся процесс употребления журналистики во зло обществу и/или личности. Конечно, нельзя утверждать, что третейские суды или суды чести максимально успешно облагораживали нравственный климат профессионального сообщества русских литераторов и журналистов, но все-таки ощутимая польза от этических обсуждений литературных проблем была. М.К. Лемке, ратуя за открытый суд чести, утверждал: «У журналиста нет домашних дел /.../ Вся жизнь его, как литературно-общественного деятеля, должна проходить на глазах общества, под его постоянным контролем и наблюдением! Представители гласности

только и могут жить при условии широкого ее размаха» [51]. Гласность же литературных судов приводила к хоть частичному, но все же обузданию кляузников, плагиаторов, шантажистов, лгунов, защищала нравственное достоинство литераторов, что для упрочения писательской и журналистской профессии было и остается очень важным.

Список использованной литературы

1. Krasnova I.A. Konzept chest' v russkoi iazykovoii kartine mira. A thesis submitted to the Graduate and Postdoctoral Studies Office in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy / I.A. Krasnova. — Department of Russian and Slavic Studies McGill University, 2010. — 238 p.
2. Санников А.В. Самооценка человека в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.В. Санников. — Москва, 2006. — 169 с.
3. Anthony A. Literary Feuds. A Century of Celebrated Quarrels: From Mark Twain to Tom Wolfe / A. Anthony. — St. Martin's Publishing Group, 2002. — 240 p.
4. Лотман Ю.М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. — С. 435–438.
5. Takle C. Honor Codes in Fantasy Literature / C. Takle // Literature and Honour. — Universitetsforlaget, 2017. — P. 217–233.
6. Кобринский А.А. Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни / А.А. Кобринский. — Санкт-Петербург : Вита Нова, 2007. — 446 с.
7. Рейфман И.В. Ритуализированная агрессия: дуэль в русской культуре и литературе / И.В. Рейфман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 327 с.
8. Розенберг В.А. Русские ведомости. Исторический очерк / В.А. Розенберг // Русские ведомости. 1863–1913 : сб. статей. — Москва : тип. «Русских ведомостей», 1913. — С. 1–62.
9. Кауфман А.Е. Старый либерал (характеристика и воспоминания) / А.Е. Кауфман // Публицист-гражданин : лит. сб., посвященный памяти Г.К. Градовского. — Петроград : тип. П.П. Сойкина, 1916. — С. 63–75.
10. Кауфман А.Е. Из журнальных воспоминаний. Литературные характеристики и курьезы / А.Е. Кауфман // Исторический вестник. — 1912. — Т. СXXX, № 12. — С. 128–156.
11. Левинг Ю. Антипатия с предысторией: Набоковы и Суворины в жизни и прозе / Ю. Левинг. — EDN [MTDVKI](#) // Новое литературное обозрение. — 2009. — № 2. — С. 154–190.
12. Гордин Я.А. Право на поединок. Пушкин и власть / Я.А. Гордин. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 2019. — 432 с.
13. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века / Н.Г. Патрушева. — Санкт-Петербург : Полярная звезда, 2013. — 620 с.
14. *Sensorship: A World Encyclopedia* / ed. by D. Jones. — London ; Fitzroy Dearborn, 2001. — 2950 p.
15. *Literary Trials: Exceptio Artis and Theories of Literature in Court* / ed. by R. Grüttemeier. — Bloomsbury: Bloomsbury Academic, 2016. — 242 p.
16. Ruud C.A. *Censorship in Russia* / C.A. Ruud // *The War for the Public Mind: Political Censorship in Nineteenth-Century Europe* / ed. by A.J. Goldstein. — West Point : Conn., 2000. — P. 239–272.
17. Сыромятников И.М. История уклонения от суда чести / И.М. Сыромятников. — Москва : тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. — 30 с.
18. Петросян Д.В. Отклики литературных судов над произведениями М. Арцыбашева в армянской прессе 1910-х годов / Д.В. Петросян. — EDN [ZENCUB](#) // Русская литература и журналистика в движении времени. — 2017. — № 2. — С. 241–251.
19. Черемных М.М. На литературном суде / М.М. Черемных // Крокодил. — 1953. — № 2. — С. 13.

20. Никольский Б.В. Правовед. Опыт эдикта чести / Б.В. Никольский. — Москва : Институт русской цивилизации, 2009. — С. 380–405.
21. Степанов Н.А. Вы давно не дарили нас... / Н.А. Степанов // Искра. — 1860. — № 23. — С. 243.
22. Павлова М.М. Из воспоминаний Л.Я. Гуревич о журнале «Северный вестник»: статья первая / М.М. Павлова, Н.А. Богомолов. — DOI 10.22455/2541-8297-2021-19-8-60. — EDN [ABDPQL](#) // Литературный факт. — 2021. — № 1. — С. 8–60.
23. Суворин А.С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / А.С. Суворин. — 2-е изд. — Москва : Независимая газета, 2000. — 670 с.
24. Ромайкина Ю.С. Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник» (1907–1917): тип издания, интегрирующий контекст / Ю.С. Ромайкина. — Саратов : Саратовский источник, 2018. — 244 с. — EDN [YXXRYT](#).
25. Соболев А.Л. Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» / А.Л. Соболев // *Donum homini universali*: сб. статей. — Москва, 2011. — 424 с.
26. Рууд Ч. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин / Ч. Рууд. — Москва : ТЕРРА, 1996. — 304 с.
27. Макарова О. А.С. Суворин в дневниках С.И. Смирновой-Сазоновой. ч. I / О. Макарова. — EDN [UUQGWZ](#) // Новое литературное обозрение. — 2014. — № 6. — С. 112–140.
28. Подгорный А. По поводу постановления сотрудников «Современного мира» / А. Подгорный // Новая Русь. — 1910. — 18 марта. — С. 3.
29. Буренин В. Литературные очерки / В.П. Буренин // Новое время. — 1879. — 12 января. — С. 2–3.
30. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / А.П. Чехов. — 2-е изд. — Москва : Наука, 2009. — Т. 8 : Письма, 1899. — 711 с.
31. Боборыкин П.Д. Дрязги и дело / П.Д. Боборыкин. // Русские ведомости. — 1879. — 28 января. — С. 1–2.
32. Шуф В.А. Суд чести. Современная легенда / В.А. Шуф // Шут. — 1897. — № 10. — С. 10.
33. Свириденко М. К газетным распрям / М. Свириденко // Развлечение. — 1903. — № 1. — С. 24.
34. Кауфман А.Е. О суде чести. Доклад Обществу собранию Общества взаимопомощи литераторов и ученых / А.Е. Кауфман // Вестник литературы. Орган Общества взаимопомощи литераторов и ученых. — 1919. — № 1–2. — С. 4–6.
35. Кареев Н.И. В Петербурге на исходе XIX века / Н.И. Кареев // Прожитое и пережитое. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. — С. 172–209.
36. Рейснер М.А. К общественному мнению! (мое дело с В.Л. Бурцевым) / М.А. Рейснер. — Санкт-Петербург : тип. Грамотность, 1913. — 66 с.
37. Николаевский Б.И. История одного предателя: террористы и политическая полиция / Б.И. Николаевский. — Москва : Высшая школа, 1991. — 368 с.
38. Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни (воспоминания). Публикация С.В. Шумихина / Н.А. Энгельгардт // Минувшее. — 1998. — Т. 24. — С. 7–119.
39. Льдов К.Н. Вопиющее дело об оклеветании бывшей издательницы журнала «Новое слово» О.Н. Поповой в Суде чести «Союза русских писателей» по жалобе гг. Я. Абрамова и А. Скабичевского / К.Н. Льдов. — Москва : Университетская типография, 1897. — 82 с.
40. Попов А. Вопрос о четырех нравственных основаниях пред судом чести Союза русских писателей / А. Попов. — Санкт-Петербург : тип. И. Гольдберга, 1897. — 76 с.
41. Михайловский Н. Литература и жизнь. О деле г-жи Поповой и о союзе писателей / Н.К. Михайловский // Русское богатство. — 1897. — № 12. — С. 139–160.
42. Юдина И.М. В.Г. Короленко и провинциальная печать / И.М. Юдина // Русская литература. — 1972. — № 1. — С. 133–146.
43. Василевский Л.М. Среди писателей / Л.М. Василевский // Одесские новости. — 1910. — 14 марта. — С. 5.
44. Арсеньев К. Суд чести при Союзе взаимопомощи русских писателей / К.К. Арсеньев // Исторический вестник. — 1899. — № 1. — С. 1109–1112.

45. Весслинг Р. Смерть Надсона как гибель Пушкина: «образцовая травма» и канонизация поэта «больного поколения» / Р. Весслинг. — EDN: [HSEHXF](#) // Новое литературное обозрение. — 2005. — № 5. — С. 122–153.
46. Амфитеатров А.В. Литературная ссора / А.В. Амфитеатров // Россия. — 1900. — 15 марта. — С. 2.
47. Короленко В.Г. Полное посмертное собрание сочинений. Дневники : в 4 т. / В.Г. Короленко. — Полтава : Гос. Изд-во Украины, 1928. — Т. 4. — 352 с.
48. Фролов М.А. Литературная, общественно-политическая и материально-бытовая жизнь редакции журнала «Русское богатство» в 1896–1900 годах / М.А. Фролов. — DOI 10.15826/izv2.2021.23.2.031. — EDN [KUC CZU](#) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2021. — Том 23, № 2. — С. 143–157.
49. Белый А. Между двух революций. Воспоминания : в 3-т. / А. Белый. — Москва : Художественная литература, 1990. — Т. 3. — 537 с.
50. Бакунцев А.В. Авторское право в русской журналистике и литературе XVIII–XIX веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / А.В. Бакунцев. — Москва, 1999. — 173 с.
51. Лемке М. Думы журналиста / М.К. Лемке. — Санкт-Петербург : тип. М.В. Пирожкова, 1903. — 183 с.

References

1. Krasnova I.A. *Koncept chest' v russkoi iazykovoj kartine mira. A Thesis Submitted to the Graduate and Postdoctoral Studies Office in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy.* Department of Russian and Slavic Studies McGill University, 2010. 238 p.
2. Sannikov A.V. *Self-Assessment of a Person in the Russian Language Picture of the World. Cand. Diss. Moscow, 2006.* 169 p.
3. Anthony A. *Literary Feuds. A Century of Celebrated Quarrels: From Mark Twain to Tom Wolfe.* St. Martin's Publishing Group, 2002. 240 p.
4. Lotman Yu.M. On the Semiotics of the Concepts of "Shame" and "Fear" in the Mechanism of Culture. *Articles on Semiotics of Culture and Art.* Saint Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2002, pp. 435–438.
5. Takle C. Honor Codes in Fantasy Literature. *Literature and Honour.* Universitetsforlaget Publ., 2017, pp. 217–233.
6. Kobrinskii A.A. *Duel Stories of the Silver Age. Fights of Poets as a Fact of Literary Life.* Saint Petersburg, Vita Nova Publ., 2007, 446 p.
7. Reifman I.V. *Ritualized Aggression: Duel in Russian Culture and Literature.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 327 p.
8. Rosenberg V.A. Russian News. Historical Essay. *Russian News. 1863–1913. Collected Papers.* Moscow, 1913, pp. 1–62. (In Russian).
9. Kaufman A.E. Old Liberal (Characteristics and Memoirs). *Publicist-Citizen. Literary Collection Dedicated to the Memory of G.K. Gradovsky.* Petrograd, P.P. Soikin Publ., 1916. pp. 63–75.
10. Kaufman A.E. From Magazine Memoirs. Literary Characteristics and Curiosities. *Istoricheskii vestnik = Historical Bulletin*, 1912, vol. CXXX, no.12, pp. 128–156. (In Russian).
11. Leving Yu. Antipathy with Prehistory: Nabokovs and Suvorins in Life and Prose. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*, 2009, no. 2, pp. 154–190. (In Russian). EDN: [MTDVKI](#).
12. Gordin Ya.A. *The Right to Fight. Pushkin and Power.* Saint Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 2019. 432 p.
13. Patrusheva N.G. *The Censorship Department in the State System of the Russian Empire in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries.* Saint Petersburg, Polyarnaya zvezda Publ., 2013. 620 p.
14. Jones D. (ed). *Censorship: A World Encyclopedia.* London, Fitzroy Dearborn, 2001. 2950 p.
15. Grüttemeier R. (ed.). *Literary Trials Exceptio Artis and Theories of Literature in Court.* Bloomsbury, Bloomsbury Academic, 2016. 242 p.

16. Ruud C.A. Censorship in Russia. Goldstein A.J. (ed.). *The War for the Public Mind: Political Censorship in Nineteenth-Century Europe*. Connecticut, West Point, 2000. pp. 239–272.
17. Syromyatnikov I.M. *History of Court of Honor Evasion*. Moscow, G. Lissner i A. Geshel' Publ., 1899. 30 p.
18. Petrosyan D.V. The Response to Literary Trials of M. Artsibashev's Works in the Armenian Media of 1910. *Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni = Russian Literature and Journalism in the Movement of Time*, 2017, no. 2, pp. 241–251. (In Russian). EDN: [ZEHCUB](#).
19. Cheremnykh M.M. At the Literary Court. *Krokodil = Crocodile*, 1953, no. 2, p. 13. (In Russian).
20. Nikol'skii B.V. *Lawyer. Edict of Honor Experience*. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2009. pp. 380–405.
21. Stepanov N.A. You Haven't Given Us for a Long Time... *Iskra = Spark*, 1860, no. 23, p. 243.
22. Pavlova M.M., Bogomolov N.A. From the Memoirs of L.Ya. Gurevich about the Journal "Severny Vestnik": Article One. *Literaturnyi fakt = Literature Fact*, 2021, no. 1, pp. 8–60. (In Russian). EDN: [ABDPQL](#). DOI: 10.22455/2541-8297-2021-19-8-60.
23. Suvorin A.S. *Diary of Alexei Sergeevich Suvorin*. 2nd ed., Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ., 2000, 670 p.
24. Romaikina Yu.S. *Literary and Artistic Almanac of the Publishing House "Shipovnik" (1907–1917): Type of Publication Integrating the Context*. Saratov, Saratovskii istochnik Publ., 2018. 244 p. EDN: [YXXRYT](#).
25. Sobolev A.L. Cum scuto: Vyacheslav Ivanov Is a Member of the "Shield" Collection. *Donum homini universali. Collected Papers*. Moscow, 2011, 424 p. (In Russian).
26. Ruud Ch. *Russian Businessman Moscow Publisher Ivan Sytin*. Moscow, TERRA Publ., 1996. 304 p.
27. Makarova O. A.S. Suvorin in the Diaries of S.I. Smirnova-Sazonova. Pt. I. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*, 2014, no. 6, pp. 112–140. (In Russian). EDN: [UUQGWZ](#).
28. Podgornyi A. Regarding the Decision of the Employees of the "Modern World". *Novaya Rus'*, 1910, Martha 18, p. 3. (In Russian).
29. Burenin V. Literary Essays. *Novoe vremya*, 1879, January 12, pp. 2–3. (In Russian).
30. Chekhov A.P. *Complete Works and Letters*. Moscow, Nauka Publ., 2009. 711 p.
31. Boborykin P.D. Squabbles and Business. *Russkie vedomosti*, 1879, January 28, pp. 1–2. (In Russian).
32. Shuf V.A. Court of Honor. Modern Legend. *Shut = Jester*, 1897, no. 10, p.10. (In Russian).
33. Sviridenko M. To Newspaper Strife. *Razvlechenie = Entertainment*, 1903, no. 1, p. 24. (In Russian).
34. Kaufman A.E. About the Court of Honor. Report to the General Meeting of the Society for Mutual Assistance of Writers and Scientists. *Vestnik literatury. Organ Obshchestva vzaimopomoshchi literatorov i uchenykh = Bulletin of Literature. Organ of the Mutual Aid Society of Writers and Scientists*, 1919, no. 1-2, pp. 4–6. (In Russian).
35. Kareev N.I. Petersburg at the End of the 19th Century. *Lived and Experienced*. Leningrad, LGU Publ., 1990, pp. 172–209.
36. Reisner M.A. *To Public Opinion! (My Case with V.L. Burtsev)*. Saint-Petersburg, Gramotnost' Publ., 1913, 66 p.
37. Nikolaevskii B.I. *The Story of a Traitor: Terrorists and Political Police*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 368 p.
38. Engelgardt N.A. Episodes of My Life (Memories). Publication by S.V. Shumikhin. *Minuvshee = Past*, 1998, vol. 24, pp. 7–119. (In Russian).
39. L'dov K.N. *The Egregious Case of Slandering the Former Publisher of the Novoye Slovo Magazine O.N. Popova in the Court of Honor of the "Union of Russian Writers" on the Complaint of Messrs. Ya. Abramov and A. Skabichevsky*. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1897. 82 p.

40. Popov A. *The Question of the Four Moral Foundations Before the Court of Honor of the Union of Russian Writers*. Saint-Petersburg, I. Gol'dberg Publ., 1897, 76 p.
41. Mikhailovskii N. Literature and Life. On the Case of Mrs. Popova and the Union of Writers. *Russkoe bogatstvo = Russian wealth*, 1897, no. 12, pp. 139–160. (In Russian).
42. Judina I.M. V.G. Korolenko and the Provincial Press. *Russkaja literatura = Russian Literature*, 1972, no. 1, pp. 133–146. (In Russian).
43. Vasilevskii L.M. Among Writers. *Odesskie novosti*, 1910, March 14, p. 5. (In Russian).
44. Arsen'ev K. Court of Honor at the Mutual Assistance Union of Russian Writers. *Istoricheskii vestnik = Historical Bulletin*, 1899, no. 1, pp. 1109–1112. (In Russian).
45. Vessling R. The Death of Nadson as the Death of Pushkin: “Exemplary Trauma” and the Canonization of the Poet of the “Sick Generation”. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literature Review*, 2005, no. 5, pp. 122–153. (In Russian). EDN: [HSEHXF](#).
46. Amfiteatrov A.V. Literature Quarrel. *Rossiya*, 1900, March 15, p. 2. (In Russian).
47. Korolenko V.G. *Complete Posthumous Collected Works. Diaries*. Poltava, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ukrainy Publ., 1928. Vol. 4, 352 p.
48. Frolov M.A. Literary, Socio-Political, and Material Everyday Life of the Editorial Board of the Russkoye Bogatstvo Magazine, its Authors, and Staff Between 1896 and 1900. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2021, vol. 23, no. 2, pp. 143–157. (In Russian). EDN: [KUCZU](#). DOI: 10.15826/izv2.2021.23.2.031.
49. Belyi A. *Between Two Revolutions. Memories*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. Vol. 3, 537 p.
50. Bakuncev A.V. *Copyright in Russian Journalism and Literature of the 18th–19th Centuries*. Cand. Diss. Moscow, 1999, 173 p.
51. Lemke M. *Thoughts of a Journalist*. Saint-Petersburg, M.V. Pirozhkov Publ., 1903, 171 p.

Информация об авторе

Сони́на Елена Серге́евна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e.sonina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2625-6755>.

Author Information

Elena S. Sonina — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of History of Journalism, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, e.sonina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2625-6755>.

Для цитирования

Сони́на Е.С. Литературные конфликты в Российской империи и их разрешение / Е.С. Сони́на. — DOI 10.17150/2308-6203.2023.12(2).232-247. — EDN [DOFADX](#) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2023. — Т. 12, № 2. — С. 232–247.

For Citation

Sonina E.S. Literary Conflicts and Their Resolution in the Russian Empire. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2023, vol. 12, no. 2, pp. 232–247. (In Russian). EDN: [DOFADX](#). DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(2).232-247.